

В последние месяцы в мире происходят удивительные вещи… Премьер-министр Великобритании, столица которой, Лондон, является крупнейшим мировым финансовым центром, говорит о введении т. н. «налога Тобина», т. е. оборотного налога на спекулятивные финансовые операции.

МВФ выпускает доклад, в котором говорится о том, что умеренная инфляция не является таким уж кошмаром (напомним, что спад последнего года в России во многом является следствием того, что наши денежные власти тупо следуют предыдущим рекомендациям о безусловной необходимости снижения инфляции и автоматическом росте экономики после этого), а «ограниченные» протекционистские меры (пока, правда, только в части движения спекулятивного капитала) вполне приемлемы… И т. д., и т. п. К чему бы это?

Для ответа на этот вопрос необходимо объяснить, как устроена механика построения «правил игры», в т. ч. в сфере экономики. Обычно понимание необходимости смены правил игры приходит по итогам крупных кризисов (последние два раза – в начале 40-х годов XX века и в 70-е годы XX века), и разработку таких правил ведут, как правило, люди, которые не являются бенефициарами предыдущих схем, построенных на предыдущих правилах. Собственно, даже те из разработчиков, кто получает соответствующие доходы, понимают, что участие в разработке новых правил даст по итогам их внедрения куда больше, чем попытки сохранить доходы старые.

Но вот как только правила установились (последний раз – в начале 80-х годов, в рамках внедрения политики «рейганомики»), основные доходы начинают получать конкретные участники конкретных схем. В нашем случае – имеющие доступ к дешевому эмиссионному кредиту Федеральной резервной системы, или же те, кто могут обеспечить доступ к

нему для других. Отметим, что в России работают такие же схемы, только у нас это не эмиссия, а либо бюджет, либо экспорт сырья.

Проблема состоит в том, что для того, чтобы обеспечить монополию своего контроля над этими схемами, необходимо создать системы защиты . Это, во-первых, институты снижения агрессивности «широких народных масс», для усмирения которых у нас поднимаются пенсии, а на Западе – сочиняются сказки про «американскую мечту», «свободу и демократию», «лузеров и виннеров». А во-вторых, это система институтов, которые «объективизируют» доступ к источникам прибыли. В наше время они включают в себя как институты контроля доступа (рейтинговые агентства, консалтинговые и аудиторские компании, экспертные и научные институты на Западе), так и системы государственного и частного контроля, жестко наказывающие ослушников, пытающихся или вскрыть реальное состояние дел, или пройти к «источнику счастья», минуя поставленные заслоны. Беда только в том, что все эти институты, по мере смены поколений, начинают жить своей жизнью.

Самое страшное начинается в тот момент, когда действующие «правила игры» исчерпывают себя и перестают обеспечивать развитие. Еще более страшно, если они действовали достаточно долго, поскольку в этом случае «концептуальная» элита, которая вырабатывала правила, успевает уйти, а на ее место приходит элита «институтов», которые на этих правилах зарабатывают. Последняя совершенно не склонна лишаться заработков, а корпоративная этика и солидарность не дают даже наиболее дальновидным ее представителям идти «против коллектива». И возникает ситуация полнейшего тупика.

Которую, собственно, мы сегодня и видим. Людей, которых бы все признавали как «писателей правил», сегодня уже нет, а многочисленные институты, созданные в рамках «окучивания» эмиссионного дохода, тщательно блокируют обсуждение реальных проблем кризиса, даже причин его возникновения. Поскольку практически все научные, экспертные, образовательные институты созданы или финансируются в рамках «эмиссионной» парадигмы, они тоже крайне неохотно обсуждают кризисные проблемы и возможности их компенсации и даже выхода из кризиса. И все это создает серьезные проблемы для политиков.

Дело в том, что последние в рамках системы разделения полномочий занимаются как раз проблемами общества, т. е. безработными, обороной, бюджетом и т. д. И они отчетливо видят, что «дело пахнет керосином», но сами-то они ничего сделать не могут, поскольку не для этого предназначены. А попытки обратиться к «широкой научной

общественности» жестко пресекаются, да и сама «общественность» не горит желанием идти против основных спонсоров. Частично потому, что не верит, что такие «мощные и крупные» структуры могут погибнуть, частично – потому, что 1 рубль (доллар) сегодня – это лучше, чем гипотетические 10 завтра. Ну и потому, что думать-то они, в общем-то, не очень склонны, поскольку являются скорее пиарщиками, пропагандирующими «единственно правильную» (на текущий момент) теорию.

Политиков, естественно, это не устраивает, поскольку безработных-то нужно куда-то девать! И тогда они начинают не отменять старые правила (на это у них нет полномочий, да и не рискнут они это сделать, не понимая, какими должны быть новые «правила игры»), а, находясь как раз в рамках своих полномочий, расширять границы старых правил. В расчете на то, что это даст больше степеней свободы экономике и увеличит «креативность» экспертов. Далее возможны несколько вариантов: либо такое расширение даст результат, и все вернется на круги своя (такие случаи бывали, но «не в этой жизни»), либо новые возможности дадут старт некоторой новой группе, которая адаптирует правила в рамках новых возможностей, постепенно внедрит их во все области экономики и плавно реформирует систему (теоретически такое бывает, но очень редко).

И последний вариант – резкий слом системы, построенной на «старых» правилах. Вот здесь будут очень серьезные проблемы, но, скорее всего, сегодня этого сценария уже не избежать. Отметим, что проблемы разработки новых «правил игры» это не отменяет. Даже, более того, делает ее еще более актуальной, поскольку после «слома» начинаются «темные века», и в интересах всех – сделать их как можно более короткими.

Источник: Fintimes.km.ru